

УДК 330.88
JEL: B52, E02, P35
DOI 10.24147/1812-3988.2021.19(4).16-24

ИМПОРТИРУЕМЫЕ МЕЗОИНСТИТУТЫ И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Е.А. Капогузов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
4 октября 2021 г.

Дата принятия в печать
1 ноября 2021 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Институциональная среда,
институты мезоуровня, импорт
институтов

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

Аннотация. В последнее время в российском академическом дискурсе активно обсуждалась роль институтов мезоуровня. В развитие данной тематики в рамках статьи обсуждается значение «мезоподхода» в дизайне институциональной среды применительно к проблематике импорта институтов. Показаны различия в позициях разных авторов в понимании значения мезоинститутов по сравнению с традиционной триадой «институты – институциональная среда – институциональные соглашения», в частности показывается значение институтов мезоуровня для поддержки реформ, импортируемых «пакетно», и соотношение между понятием «промежуточные институты» и «институты мезоуровня». Выделены и охарактеризованы специфические черты российской институциональной системы, такие как специфическая экономическая ментальность, институты власти-собственности и «вертикали власти», и показана взаимосвязь с эффектами экзактации и дисфункции институтов. Предложен ряд нормативных рекомендаций применительно к учету ограничений при проектировании дизайна импортируемых институтов, в частности важности роли промежуточных институтов, политико-экономических ограничений, культурного контекста и трансакционных издержек.

IMPORTED MESO-INSTITUTIONS AND PECULIARITIES OF THE RUSSIAN INSTITUTIONAL ENVIRONMENT

E.A. Kapoguzov

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
October 4, 2021

Accepted
November 1, 2021

Type paper

Research paper

Keywords

Institutional environment, meso-level institutions, import of institutions

Acknowledgements. This article has been prepared in accordance with the research findings carried out with the help of budget funds from the state task of Financial University under the Government of Russian Federation on the topic "Russia's participation in the export and import of institutions".

Abstract. Recently, the role of meso-level institutions has been actively discussed in Russian academic discourse. In the development of this topic, within the framework of this article, the significance of the "meso-approach" in the design of the institutional environment is discussed in relation to the problem of importing institutions. The differences in the positions of different authors in understanding the meaning of meso-institutions in comparison with the traditional triad "institutions-institutional environment-institutional agreements" are shown. In particular, it shows the importance of meso-level institutions to support reforms imported "in set" and the relationship between the concept of "intermediate institutions" and "meso-level institutions". The specific features of the Russian institutional system are highlighted and characterized, such as specific economic mentality, institutions of power-ownership and "power vertical", and the relationship with the effects of exaptation and dysfunction of institutions is shown. A number of normative recommendations are proposed in relation to the consideration of constraints in the design of the design of imported institutions, in particular the importance of the role of intermediate institutions, political and economic constraints, cultural context and transaction costs.

1. Введение. Институциональная среда: содержание и уровни. Несмотря на значительный объем литературы по сущности и содержанию институциональной среды (ИС) трактовка ее компонентов также не является однозначной и устоявшейся [1]. Сложности возникают как с точки зрения онтологической характеристики [2], так и с функциональной точки зрения, поскольку не позволяют определить параметры качества ИС с точки зрения динамики ее параметров.

Традиционно оно рассматривается в духе работ Д. Норта (в частности одной из его последних работ «Понимание процесса экономических изменений [3]) как элемент диады «институциональная среда – институциональные соглашения» [4; 5]. Другое, более распространенное понимание связано с подходом О. Уильямсона к четырем институциональным уровням, определяющим институциональное развитие и имеющим различную скорость институциональных изменений.

Согласно подходу О. Уильямсона, на самом высоком уровне находятся неформальные институты, культурные установки (ценности), обычаи, традиции и религиозные нормы. Эти институты являются наиболее устойчивыми, составляя то, что метафорически можно обозначить как «культурный код» нации. Данные неформальные институты (институты «укорененности», или каркасные институты) являются основой для выстраивания уже формальных институтов. Выделяются разные виды укорененности (*embeddedness*): когнитивная, культурная, структурная и политическая [6, p. 596–597]. Глубоко укорененные институты связаны с доминирующими в обществе ценностями, установками, культурными различиями и во многом определяют дивергенцию в развитии. Как подчеркивал Д. Ландеса, «если мы и узнали что-то из истории экономического развития, так это то, что все различия создаются культурой» [7, p. 516].

Институциональная среда находится по О. Уильямсону на втором уровне. Его определение институциональной среды приведено в глоссарии к работе «Экономические институты капитализма: фирмы, рынки и отношенческая контрактация», в которой она рассматривается как совокупность основополагающих социальных, политических, юридических и экономических правил, определяющих рамки человеческого поведения. В свою очередь, в

трактовке О. Уильямсона правила делятся на три уровня: надконституционные, конституционные и экономические.

Надконституционные институты часто ассоциируются с неформальными, конституционные с формальными, а экономические определяют природу институциональных соглашений.

Согласно подходу О. Уильямсона, институциональная среда изменяется в ходе институциональной эволюции. На данном уровне находятся формальные институты высшего порядка, такие как, например, законы и нормы, которые регулируют распределение прав собственности в обществе. В данном случае имеются большие возможности по осуществлению изменений, за счет изменения конституционных и экономических правил. Фактически институты второго уровня (конституционные) вписаны в институциональный каркас институтов первого уровня (надконституционных). На втором уровне скорость институциональных изменений выше. Период времени, в течение которого происходят заметные изменения, составляет века и десятки лет [6, p. 598].

Третий уровень представлен институтами координации (*institutions of governance*) или механизмами регулирования. Данные институты являются наборами правил, которые регулируют повседневные взаимодействия акторов, например, их контрактные отношения. Считается, что механизмы координации должны корректироваться для того, чтобы минимизировать трансакционные издержки, и одной из задач институционального анализа для этого является поиска оптимальных механизмов координации.

В целом, можно еще раз подтвердить мысль об отсутствии единства в подходе к функциональному наполнению параметров институциональной среды цитатой из работы В. Вихарева: «единого мнения о количественных и качественных показателях институциональной среды и ее изменений в современной экономической науке не сложилось» [8, с. 32]. Хотя традиционен все-таки подход, восходящий к работам классиков НИЭТ Д. Норта и О. Уильямсона, согласно которому институциональная среда состоит как из формальных, так и неформальных институтов и институциональных соглашений (что отмечалось в работе А. Шаститко [5]. Но при этом пообъектный состав формальных и неформальных институтов очень существенно различается и вряд ли можно однозначно его определить даже при

характеристике отдельных институциональных подсистем.

Применительно к проблематике импорта институтов важным является рассмотрение возможности сочетания всех трех элементов институциональной среды и непротиворечивости институциональных соглашений. Как отмечалось в целом ряде работ¹, результаты процесса импорта институтов будут тогда успешны, когда в процессе импорта учитывается как специфика институциональной среды страны-реципиента, так и конгруэнтность импортируемых институтов, а также способы их импорта реализуемы. При этом импорт институтов является частным случаем процесса институциональных изменений (ИИ), и в случае их сознательного проектирования значимость учета специфики институциональной среды многократно возрастает. Как показывает опыт реформ в общественном секторе, именно неучет данных обстоятельств приводит к эффектам экзаптации и дисфункции институтов² и практически к провалу реформ.

В этой связи большое значение имеет совпадение взглядов идеологов реформ (институциональных проектантов) и реализующих их идеи исполнителей. Как отмечается Тамбовцевым и Рождественской: «Решения, принимаемые людьми и влияющие как на них самих, так и на других людей, основаны на тех знаниях, представлениях и убеждениях, которыми обладают лица, принимающие решения (ЛПР)» [9]. И поэтому большое значение имеет однозначность как толкования целей институциональных изменений (ИИ), так и важно обеспечить оптимизацию трансакционных издержек при внедрении этих ИИ.

Мы рассмотрим факторы, которые влияют на специфику российской институциональной среды (прежде всего «укорененных» элементов первого уровня) и определяют возможности и ограничения для импорта институтов. В частности, обсудим значение поддержки институтов мезо-уровня (мезо-институтов) процесса внедрения импортируемых институтов (как правило, формальных второго уровня) и обсудим гипотезу о направлениях существенных изменений импортируемых институтов под влиянием специфики национальной институциональной среды.

2. Роль мезоинститутов в институциональной среде и потенциал применительно к теории импорта институтов. В последние

годы в российском экономическом дискурсе подчеркивается значимость исследования мезоуровня с позиций институционального подхода. Как отмечается авторами соответствующей монографии, подводящей итоги исследований за последнее десятилетие «разработки в области «институциональной мезоэкономики» – наиболее мощного на сегодня направления мезоэкономических исследований, развиваемого в России и за рубежом» [10]. При этом как объект мезо-анализа выступает пространство становления институтов, в том же время как традиционный мезо-анализ предполагает принцип пространственно-отраслевой идентификации: объектами мезоэкономики в таком случае именуется региональные и отраслевые экономические комплексы [11]. Зачастую объектом анализа исследователей становятся и институциональные подсистемы, такие как финансовая [12].

Трактовка мезо-институтов как в отечественной, так и зарубежной литературе [13] хотя не имеет полноценной конвенциональности, но может рассматриваться как уже достаточно проработанный термин благодаря, в первую очередь, работам Клода Менара, Алехандро Хименеза и Хакана Троппа. Как отмечает М. Круглова, «под мезо-институтами, вслед за названными авторами, мы будем понимать те промежуточные организационные структуры, задачей которых становится реализация разработанных на макроуровне (чаще всего на уровне правительств и международных организаций) проектов реформ. Именно от мезо-институтов в значительной степени зависит процесс реализации реформаторских стратегий и внедрения формальных норм поведения в исторически сложившуюся институциональную среду, наполненную совокупностью институционализированных неформальных норм поведения» [14].

Согласно К. Менару, мезо-институты описывают промежуточное звено между уровнем, на котором определяются общие правила и права, а также условия их распределения, и уровнем организационных механизмов (рынки, фирмы, гибриды), посредством которых фактически осуществляются экономические транзакции [15, р. 8]. Задачей мезо-институтов, следуя трактовке Клода Менара, является адаптация общих правил (чаще всего формальных) к конкретным реалиям, наблюдаемым и изменяемым во времени, пространстве

и масштабах. Согласно некоторой позиции, аллегория «дьявола в деталях» в равной степени может быть распространена и на всю мезоэкономическую теорию [14, с. 54]. Их функциями является адаптация макро-стратегий реформ к реалиям микро-агентной среды, в также снижение градуса потенциально возникающей напряженности во взаимодействии между формальными нормами, спускающимися сверху, и неформальными нормами, ищущими пути своего закрепления на уровне формальных правил. Тем самым пусть не содержательно, но семантически мезо-институты близки к поддерживающим «промежуточным институтам». Все таки промежуточные институты – это институты, замещающие на данном этапе становления экономической системы рыночного типа более «развитые» рыночные институты. Этот концепт опирается на модель *transitional institutions*, которая была впервые введена в работе китайского экономиста Цянь Иньи. Это не обязательно институты мезоуровня, а институты переходные.

Вместе с тем, сам по себе концепт мезоинститутов вызывает и критику применительно как к тому, что он потенциально может стать жертвой «бритвы Оккама» [16] и искусственно заполняет традиционную для новой институциональной экономической теории связку «институциональная среда-институциональные соглашения» триадой «макро-, микро- и мезоинституты» [4]. В особенности значимым является использование данного концепта применительно к институциональным изменениям, в частности экономическим реформам. Как отмечает А. Волынский, «критическим вопросом теории институциональных реформ является проблема имплементации реформ в устоявшуюся институциональную среду» [16, с. 667]. При этом прикладной потенциал концепта выражается в частности в создании скорее информационного шума вокруг дискурса о теории реформ: «новаторство мезоэкономики для нас заключается не в привнесении неких новых открытий в экономическую теорию, но в ее риторическом потенциале, способности указать органичное для многих исследований онтологическое пространство их приложения» [16, с. 677].

На наш взгляд именно через институты мезоуровня возможно объяснять сложности внедрения макро-институтов, внедряющихся «пакетно» и применяемые как к экономической системе в целом, так и к отдельным ин-

ституциональным подсистемам. Применительно к импортируемым институтам примером является как комплексные реформы для развивающихся и транзитивных стран в духе «Вашингтонского консенсуса» [17], так и к отдельным сферам, в частности государственного управления [18]; образования и науки [19]. При этом роль мезоинститутов согласно позиции А. Шаститко заключается в структурировании общественных отношений, когда они адаптируют разработанные в иной институциональной среде институты к российским реалиям.

Рассматривая вопрос применительно к процессу импорта институтов, важным является изучение факторов изменения сущностного содержания импортируемых институтов под влиянием специфики национальной институциональной среды. На наш взгляд, данная постановка вопроса предполагает: 1) выявление факторов, которые определяют процессы отбора, внедрения и адаптации импортируемых институтов; 2) характеристику параметров сущностного содержания импортируемых институтов; 3) выявление специфики национальной институциональной среды. Первые два момента связаны с потенциальными эффектами экзотации и дисфункции импортируемых институтов:

К ним можно отнести

– эффект зависимости от предшествующей траектории развития (*path dependence*), обусловленный отсутствием конгруэнтности между формальными и неформальными институтами. И именно в этой ситуации большое значение имеют «промежуточные» мезоинституты, поддерживающие данный институциональный конструкт;

– эффект блокировки, действие которого объясняется как влиянием групп интересов в рамках «вертикали власти», так и мутацией существующих институтов;

– эффект имплементации, связанный с барьерами, возникающими при переходе от нормативных моделей «лучших практик» к реальному их внедрению в социально-экономическую реальность;

– эффект фрагментированности оценки результатов, проявляющийся в противоречии между интересами разных субъектов внедрения институциональных инноваций и их адресатов, что приводит к сложностям с точки зрения эффективности соответствующих институциональных изменений.

Как уже отмечалось выше, эти эффекты ярко проявляются в особенности в ходе реформирования в общественном секторе, в частности в сфере образования, науки и государственного управления. Сочетание «укорененных» в институциональной среде институтов и эффектов, приводящих к дисфункции и экзаптации импортируемых институтов приводит к необходимости как их учета при анализе состояния национальной институциональной среды, так и поиска путей преодоления данных негативных явлений и выработке институциональных механизмов совершенствования существующих как базовых (макроуровня), так и поддерживающих правил (мезоуровня), а также количественной и качественной оценки изменений содержания импортируемых институтов под влиянием специфики российской институциональной среды. Рассмотрим эту специфику подробнее.

3. Специфика российской институциональной среды. К специфическим чертам российской институциональной среды на наш взгляд следует отнести высокую степень укорененности следующих взаимосвязанных институтов:

- 1) институтов власти-собственности;
- 2) институтов «вертикали власти»;
- 3) специфической экономической ментальности (как надконституционного института).

Укорененность комплекса институтов власти-собственности связана с «азиатским способом производства». Хотя данная концепция была предназначена в первую очередь для стран Востока, в дальнейшем она стала использоваться и для характеристики развития российской цивилизации, причем не только в средние века, но и в XX–XXI вв. Современные российские институционалисты, активно использующие данный концепт (прежде всего, Р.М. Нуреев, Н.М. Плискевич, Ю.В. Латов, В.В. Вольчик, отчасти О.Э. Бессонова и С.Г. Кордонский), подчеркивают, что в современном российском обществе, как и во многих других странах догоняющего развития, сохраняются и воспроизводятся многие элементы отношений власти-собственности, тормозящие модернизацию, – прежде всего институциональная коррупция и доминирование административной вертикали над гражданским обществом.

Воспроизводство в России многих институтов «азиатского способа производства» после создания основ рыночного хозяйства свя-

зано во многом с тем, что радикальные экономические реформы начала 1990-х гг. осуществлялись как революция «сверху», нацеленная в первую очередь на закрепление нового политического режима. Постсоветская экономическая история демонстрирует конкуренцию институтов власти-собственности и частной собственности в деятельности всех акторов хозяйственной жизни.

Модернизация стран догоняющего развития с традициями власти-собственности существенно зависит от того, в какой степени гражданскому обществу удастся консолидироваться и стать реальным актором социальной жизни, частично перехватывающим у государства функции выражения «воли народа». Опыт, например, Южной Кореи показал, что на протяжении полувека отсталая восточная страна вполне может успешно пройти путь от авторитарно-диктаторских режимов до «нормального» государства, чьи основные качественные характеристики (уровень жизни, институты демократии, международная конкурентоспособность, уровень коррупции и др.) близки к показателям стран Западной Европы.

На протяжении последней четверти века в России наблюдаются волнообразные изменения, когда тенденция усиления роли гражданского общества сменяется тенденцией реогосударствления, которая снова сменяется оживлением гражданской активности, и т. д. Несомненным фактом является то, что разорвать зависимость собственности от власти – т. е. ликвидировать институт власти-собственности – до сих пор не удалось. Как и в СССР, в постсоветской России власть-собственность проявляется в двух формах: с одной стороны, как зависимость легального владения собственностью (особенно, крупной) от отношений с властью; с другой стороны, как нелегальная система институциональной коррупции.

Институт «вертикали власти» являются центральным и связующим звеном политико-экономической системы современной России. С одной стороны она отражает как традиции власти-собственности, так и особенности экономической ментальности жителей России, в частности готовность к патернализму. Ключевым элементом этого выступает централизованный политико-административный рынок. Экономика России выступает не как целостная экономика рыночного типа, а как фрагментированное экономическое пространство, цен-

тральным элементом которого выступает пирамида экспортно-ресурсных, индустриальных и инновационных / научно-образовательных анклавов богатства. При этом остальная экономика функционирует в режиме выживания, поскольку не обладает достаточными экономическими и/или политическими ресурсами, которые обеспечивали бы ее конкурентоспособность и способность к устойчивому развитию. С нашей точки зрения, формирование и развитие такой системы является проявлением эффекта исторической обусловленности развития, поскольку как в «имперский», так и в советский и постсоветский периоды, экономика и социум в России характеризовались устойчивым существованием и переплетением процессов экономической фрагментации и политико-административной централизации.

Эффект исторической обусловленности развития проявляется именно во взаимодействии между ресурсно-отраслевой и политико-экономической структурами российского социума, которое задает основные параметры институциональной организации и создает систему ограничений при реализации проектов модернизации. Данные ограничения носят достаточно жесткий характер. Это означает, что при реализации институциональных проектов, не учитывающих объективные ограничения, четко проявляется эффект блокировки и институциональная система возвращается на исторически заданную траекторию развития. Данный факт ярко проявился в ходе постсоветского развития экономики и социума. Реализуемый с начала 1990-х гг. институциональный проект по развитию экономико-политической системы «западного типа» был ориентирован на разделение экономики и политики, развитие экономической и политической конкуренции, формирование системы институтов рыночного типа в экономике, и политической демократии (т. е. по сути черт Y-матрицы [20]). Однако результатом стала трансформация советской системы административных рынков [21] в систему, построенную на преобладании гибридных политико-административных рынков, в рамках которой уже в новых формах было воспроизведено сращивание экономики и политики, и вместо разделения режимов частной и государственной собственности [22] сформировалась гибридная смешанная система реальных остаточных прав собственности.

4. Вместо заключения. О прикладном потенциале мезоинститутов. Подводя итоги, в целом можно, на наш взгляд, рассматривать концепт мезо-институтов как логичное объяснение важности учета специфики национальной институциональной среды в ситуации проектирования социально-экономических реформ с учетом обеспечения конгруэнтности импортируемых формальных институтов и укорененных неформальных. Анализ многочисленных примеров, приводящих к эффектам экзотации и дисфункции импортируемых институтов позволяет предложить некоторые базовые рекомендации для институциональных проектантов в вопросе использования потенциала мезо-институтов:

1. Возможно формирование мезо-институтов на базе специализированных структур, способствующих «тонкой настройке» механизмов адаптации импортируемых институтов к специфике институциональной среды. Примером может служить опыт Казахстана по внедрению института оценки эффективности деятельности государственных органов, когда таким промежуточным институтом выступила специализированная независимая государственная структура «Агентство по делам государственной службы и противодействию коррупции» (в настоящий момент Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции). Именно оно стало тем «промежуточным институтом», который в условиях слабости гражданского общества и, как следствие, недостаточности общественного контроля смогло заместить функцию «третьей стороны» в Казахском варианте реформирования государственного управления в духе импортированной концепции *Public Governance* [23].

2. Необходимость учета политико-экономических ограничений, в частности консенсуса элит по поводу необходимости внедрения импортируемого института, а также бюджетных ограничений при их внедрении. Примером того, что несвоевременность внедрения импортируемого института может помешать его успешной реализации, является ситуация с внедрением системы страхования вкладов в России [24], когда первые попытки оказались неудачными.

3. Важность учета транзакционных издержек адаптации акторов к внедряемым новым институтам, в частности механизма компенсации (по критерию Скитовски-Хикса) и под-

держки адресатам, получающим негативные эффекты от внедрения подобных институциональных инноваций. Это может быть реализовано в виде институциональной инфраструктуры, в частности программ повышения квалификации, тренингов и других форм, позволяющих облегчить процесс адаптации. С другой стороны, это может быть также и быть в формате материальной компенсации пострадавшим акторам. Так применительно к упоминаемым реформам в сфере высшего образования такие институты получили лишь ограниченное распространение, а реальная компенсация ухудшению положения адресатов реформ отсутствовала. С другой стороны, текущие институциональные изменения системы государственных закупок, в частности внедрение элементов цифровой трансформации сопровождаются многочисленными разъясне-

ниями, позволяющими облегчить адаптацию агентов и использовать эффекты масштаба и социального обучения.

Примечания

¹ См., в частности: Тамбовцев В., Рождественская И. Импорт институтов и диффузия идей // Журнал экономической теории, Т. 16. № 3. С. 468–479; Капогузов Е.А., Левин С.Н., Саблин К.С. Что понимается под импортом институтов // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 480–487.

² О примерах этого применительно к сфере образования см., в частности: Курбатова М.В., Левин С.Н., Саблин К.С. «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. № 4. С. 94–111, – а в сфере реформирования науки: Тамбовцев В.Л. Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 1. С. 15–39.

Литература

1. Байдуллин А. Э. Историко-логическая реконструкция содержания понятия «институт» и «институциональная среда» // Вопросы экономики и права. – 2016. – № 102. – С. 33–39.
2. Кондратов М. В., Гарипов Р. И. Теоретические подходы к понятию «институциональная среда» // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11-9. – С. 1908–1911.
3. Норт Д. С. Понимание процесса экономических изменений. – М. : ГУ-ВШЭ, 2010. – 256 с.
4. Шаститко А. Е. Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // Вопросы экономики. – 2019. – № 5. – С. 5–25.
5. Шаститко А. Е. «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» // Вопросы экономики. – 2019. – № 12. – С. 90–110.
6. Williamson O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. – 2020. – Vol. 38. – P. 595–613.
7. Landes D. S. The wealth and poverty of nations: why some countries are so rich and some so poor. – New York : WW Norton, 1998. – xxi, 650 p.
8. Вихарев В. В. Использование методики WGI Всемирного банка в оценке изменений институциональной среды России: возможности и ограничения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – № 46. – С. 32–44.
9. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Менеджмент качества высшего образования: что означает «качество» и что означает «высшее образование»? // Управленец. – 2020. – Т. 11. № 1. – С. 2–14.
10. Мезаэкономика: элементы новой парадигмы / под науч. ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. – М. : ИЭ РАН, 2020. – 392 с.
11. Волынский А. И. Идентификация объектов мезоуровня в русскоязычной литературе // Журнал институциональных исследований. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 40–48.
12. Кирдина-Чэндлер С. Г. Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // Журнал институциональных исследований. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 7–20.
13. Круглова М. С. Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе // Журнал институциональных исследований. – 2017. – Т. 9, № 3. – С. 24–35.
14. Круглова М. С. Теория мезо-институтов Клода Менара и ее использования в институциональном дизайне // Журнал институциональных исследований. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 49–57.
15. Menard C. Research Frontiers in New Institutional Economics RAUSP // Management Journal. – 2018. – Vol. 53, iss. 1. – P. 3–10.

16. *Волынский А. И.* Мезоуровень в экономических исследованиях: необходимость или будущая жертва бритвы Оккама? // *Актуальные проблемы экономики и права.* – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 667–682.
17. *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance / eds. N. Serra, J. E. Stiglitz.* – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 382 p.
18. *Капогузов Е. А.* Двойная спираль импорта институтов в российской реформе государственного управления // *Управленец.* – 2019. – Т. 10, № 5. – С. 33–40.
19. *Курбатова М. В., Левин С. Н., Саблин К. С.* «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России // *Журнал институциональных исследований.* – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 94–111.
20. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. – 3-е изд., перераб. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. – 468 с.
21. *Кордонский С. Г.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. – М. : ОГИ, 2006. – 240 с.
22. *Olson M.* Why the Transition from Communism Is so Difficult // *Eastern Economic Journal.* – 1995. – Vol. 21, no. 4. – P. 437–461.
23. *Капогузов Е. А., Сулейменова Г. К.* Оценка эффективности деятельности государственных органов в контексте стратегического менеджмента и организационного развития в Республике Казахстан // *Arg Administrandi = Искусство управления.* – 2017. – Т. 9, № 3. – С. 147–170.
24. *Верников А. В.* Кому и зачем было нужно гарантирование банковских вкладов? // *Экономическая социология.* – 2019. – Т. 20, № 2. – С. 104–121.

References

1. Baidullin A.A. Historical and logical reconstruction of the concepts "institution" and "institutional environment". *Economic and Law Issues*, 2016, no. 102, pp. 33-39. (in Russian).
2. Kondratov M.V., Garipov R.I. Theoretical approaches to the concept of the institutional environment. *Fundamental research*, 2013, no. 11-9, pp. 1908-1911. (in Russian).
3. North D.S. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii [Understanding the process of economic change]*. Moscow, HSE publ., 2010. 256 p. (in Russian).
4. Shastitko A.E. Meso-institutions: proliferating essences or evolving economic research programme? *Voprosy Ekonomiki*, 2019, No. 5, pp. 5-25. (in Russian).
5. Shastitko A.E. "Institutions do matter" vs. "only (formal) institutions matter". *Voprosy Ekonomiki*, 2019, No. 12, pp. 90-110. (in Russian).
6. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*, 2000, Vol. 38, pp. 595-613.
7. Landes D.S. *The wealth and poverty of nations: why some countries are so rich and some so poor*. New York, WW Norton publ., 1998. xxi + 650 p.
8. Vikharev V.V. The use of WGI methods of the World Bank to evaluate change in Russia's institutional environment: opportunities and constraints. *Financial Analytics: Science and Experience*, 2016, Vol. 9, iss. 46, pp. 32-44. (in Russian).
9. Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. Higher education quality management: what is "quality" and what is "higher education"? *Upravlenets (The Manager)*, 2020, Vol. 11, no. 1, pp. 2-14. (in Russian).
10. Maevsky V.I., Kirdina-Chandler S.G. (eds.) *Mezaekonomika: elementy novoi paradigmy [Mesa-economics: elements of a new paradigm]*. Moscow, IE RAS publ., 2020. 392 p. (in Russian).
11. Volynskii A.I. The mesolevel objects identification: Russian-language publications analysis. *Journal of Institutional Studies*, 2018, Vol. 10, no. 3, pp. 40-48. (in Russian).
12. Kirdina-Chandler S.G. Mechanism of money circulation as a subject of mesoeconomic analysis. *Journal of Institutional Studies*, 2019, Vol. 11, no. 3, pp. 7-20. (in Russian).
13. Kruglova M.S. Mesoeconomic theory in English-scientific literature. *Journal of Institutional Studies*, 2017, Vol 9, no. 3, pp. 24-35. (in Russian).
14. Kruglova M.S. Claude Menard's meso-institution theory and it's application in the institutional design. *Journal of Institutional Studies*, 2018, Vol 10, no. 3, pp. 49-57. (in Russian).

15. Menard C. Research Frontiers in New Institutional Economics. *RAUSP. Management Journal*, 2018, Vol. 53, iss. 1, pp. 3-10.
16. Volynskii A.I. Mesolevel in economic research: necessity or a future price for Ockham's razor? *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, no 4, pp. 667-682. (in Russian).
17. Serra N., Stiglitz J.E. (eds.) The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance. Oxford, Oxford University Press, 2008. 382 p.
18. Kapoguzov E.A. Double helix of institutional import in public administration reform in Russia. *Upravlenets (The Manager)*, 2019, Vol. 10, no. 5, pp. 33-40. (in Russian).
19. Kurbatova M.V., Levin S.N., Sablin K.S. The "tripled failure" of institutional design of higher education reform in Russia. *Journal of Institutional Studies*, 2020, Vol. 12, no. 4, pp. 94-111. (in Russian).
20. Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu [Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y-theory]*, 3rd ed. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2014. 468 p. (in Russian).
21. Kordonsky S.G. *Rynki vlasti. Administrativnyye rynki SSSR i Rossii [Markets of Power. Administrative markets of the USSR and Russia]*. Moscow, OGI publ., 2006. 240 p. (in Russian).
22. Olson M. Why the Transition from Communism Is so Difficult. *Eastern Economic Journal*, 1995, Vol. 21, no. 4, pp. 437-461.
23. Kapoguzov E.A., Suleimenova G.K. Performance Evaluation of Government Agencies in the Context of Strategic Management and Organizational Development in the Republic of Kazakhstan. *Ars Administrandi*, 2017, Vol. 9, no. 3, pp. 147-170. (in Russian).
24. Vernikov A. Explicit deposit guarantee in Russia: who needed it and what for? *Journal of Economic Sociology*, 2019, Vol. 20, no. 2, pp. 104-121. (in Russian).

Сведения об авторе

Капогузов Евгений Алексеевич – д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и предпринимательства
Адрес для корреспонденции: 644053, Россия, Омск, пл. Лицкевича, 1
E-mail: egenk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8083-5654
Web of Science ResearcherID: O-5278-2017
РИНЦ AuthorID: 337296

About the author

Evgeny A. Kapoguzov – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship
Postal address: 1, Litskevicha pl., Omsk, 644053, Russia
E-mail: egenk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8083-5654
Web of Science ResearcherID: O-5278-2017
RSCI AuthorID: 337296

Для цитирования

Капогузов Е. А. Импортируемые мезоинституты и особенности российской институциональной среды // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 16–24. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(4).16-24.

For citations

Kapoguzov E.A. Imported meso-institutions and peculiarities of the Russian institutional environment. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 4, pp. 16-24. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(4).16-24. (in Russian).